К 50-летию АГРЭ

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Ю. А. ЗАБИРОВ,

горный инженер-геолог, кандидат геолого-минералогических наук. Работал в Ангарской геологоразведочной партии с 1962 по 1991 год геологом, старшим геологом Чадобецкой геологоразведочной партии; начальником Великандинской, Умангойской, Петрищевской геологосъемочных партий; начальником Кардаканской, Чулаканской, Бокситовой и Западной поисковых партий; главным геологом Красногорской и Горевской поисково-разведочных партий.

10 апреля 1962 года, просидев дней десять в ожидании «аннушки» в Красноярске, я впервые увидел с высоты полета заснеженную Ангару, широченную в районе поселка Мотыгино, и был поражен ее масштабами. Это было удивление жителя степей южного Казахстана, впервые увидевшего море тайги и одну из крупнейших рек Сибири.

КОЛЛЕКТИВ Ангарской геологоразведочной экспедиции к этому времени уже прошел период своего становления. В составе геологов четко существовала специализация по двум основным направлениям: геологическая съемка и разведка. Наряду с этими наиболее многочисленными группами геологов работали на равных правах и коллективы специалистов более узкого профиля: гидрогеологи, геохимики, геофизики, топографы, геоморфологи, инженеры—аналитики лабораторной службы. Обеспечение геологоразведочных работ осуществляли подсобно - вспомогательные цеха: стройцех (В. Г. Орехов), мехцех (Бердоносов), электроцех (Марильцев), гараж (И. М. Лазарев), речной флот (капитан Ю. И. Гусев), хозцех, отдел снабжения, со складским хозяйством (Ф. Т. Щерба). Функционировал слаженный компактный аппарат управления (Домишкевич Т. В.— главный бухгалтер, А. В. Курочкин— экономист, Н. И. Безруких—отдел труда, А. А. Черкашин— отдел кадров, Н. И. Корсакова— канцелярия, Л. В. Дзисько—геологические фонды). Геологическую службу возглавлял Андрей Вадимович Лесгафт. Начальником экспедиции был Виктор Васильевич Петров. В коллективе царила обстановка высокого профессионализма и культуры, заложенная ее основоположниками—интеллектуалами, учеными, инженерами «старой школы», по воле злой судьбы, заброшенными в сороковые годы на дикие первозданные берега р. Ангары. Мое прибытие совпало с пиком геологосъемочных работ масштаба 1:200000, проводимых для создания полистной государственной геологической карты, и началом геологической съемки масштаба 1:50000 в уже наметившихся горнорудных районах. К этому периоду были завершены или близились к завершению разведочные работы на Татарском месторождении бокситов, на Нижне-Ангарском железорудном и Горевском свинцово-цинковом месторождениях. Как говорится, «гремела» в это время Чадобецкая геологоразведочная партия, занимавшаяся поисками и разведкой бокситов на Чадобецком поднятии, расположенном в нетронутой глухой тайге междуречья Ангары и Подкаменной Тунгуски. Был на подходе гребень волны «бокситового бума». Наиболее романтичной и привлекательной, конечно же, была геологическая съемка масштаба 1:200000. Пятидесятидневные маршруты шагать по нехоженой, незатронутой еще леспромхозами, тайге, ночевки у костра, непуганые боровая птица и зверь, таежные речки с холодной кристально-чистой водой, кипящие на закате солнца от хариуса и тайменя. Как можно было устоять от этого! И, несмотря на то, что я окончил геологоразведочный факультет политехнического института в г. Фрунзе по специальности поиски и разведка месторождений полезных ископаемых, мы с Ростиславом Яковлевичем Скляровым, с которым я познакомился и сблизился с первых же дней моего прибытия в экспедицию, появились у Андрея Вадимовича с просьбой определить меня на геологическую съемку масштаба 1:200000 в Тершинскую партию, которую возглавлял Р. Я. Скляров. Увы, ответ был четкий и однозначный: «восточный фронт» —Чадобецкая разведочная партия.

БАЗОВЫМ поселком этой партии была знаменитая в те годы Пуня — поселок геологоразведчиков, расположенный на стрелке рек Чадобца и его притока Пуни. Ближайший населенный пункт — д. Яркино, располагался в 60 км ниже по течению реки Чадобца. С районным центром — пос. Кежма (позже пос. Богучаны) поддерживалась регулярная связь: три раза в неделю летал почтово-пассажирский АН-2. Общая численность работающих несколько превышала 300 человек. Из них 30 человек составляли инженерно--технический состав. Возглавляли партию «старички»—А. Д. Руденко (начальник) и М. А. Амосов (главный геолог). Анатолию Дмитриевичу в ту пору было тридцать с небольшим, а Михаилу Алексеевичу лет 35—37. Весь остальной инженерно-технический персонал был в возрасте от 18 до 25 лет. В такие юные годы сближаешься с людьми легко и быстро, и жили мы дружно и весело. Наши молодые семейные пары— Руслан и Эльвира Савельевы, Гена и Валя Леоновы, Виктор Клементьевич (ему было почти 29 лет) и Галя Кумец. Наши холостяки— Гена Боклаенко, Володя Лопатин, Гена Первушин, Гена Дубинин, Петя Беляев нашли своих возлюбленных здесь, на Пуне. Вышла здесь замуж и наша геологиня Любовь Яровая. Это ей наш поэт Петя Беляев посвятил в то время строки: «Любовь нужна нам какая? —Яровая!».

Костяк бурового и горного цехов перебрался на Пуню с Татарки. Это были знатоки своего дела, бывалые и опытные таежники, люди приспособленные к кочевой геологической жизни. Переезжали на Пуню семьями, обосновывались крепко; капитально. Буровики: Коп (отец — дядя Саша и сын — Валентин), Николай Залевский, дядя Вася Никитин (с Клавдией Никандровной), Ремнев (с женой Соней), Роман Вольт. Горняки: Леопольд Альбертович Линявский (латыш, в бывшем банковский работник, отсидевший положенную в пору строительства развитого социализма каждому свободно мыслящему человеку «десятку», да так и оставшийся навечно в таежных краях), В. Широнин, неугомонный Ган, богатырь Саша Басманов с красавицей женой Леной. Механизаторы-водители АТЛ: Миша Шмуров и Забекин, и наш «Левша», слесарь—виртуоз высочайшего класса В. Метелица. Признанным авторитетом был опытнейший таежник Григорий Федорович Грицино, построивший в глухой тайге, в условиях полного бездорожья и практически без технических средств не один десяток поселков геологоразведчиков. Это именно он прибыл в числе первых из Норильска в далеком 1944-ом году на Ангару, чтобы положить начало освоению природных богатств Нижнего Приангарья.

РАБОТЫ проводились на нескольких участках: Центральный, Ибужибдек, Пуня, Чуктукон, Верхняя Терина. Буровики, горняки и геологи жили в утепленных палатках и рубленых избушках непосредственно на участках. Наиболее крупным был участок Центральный, куда я и был направлен. Лето мы с женой прожили в избушке, хозяин которой был в отпуске вместе с двумя дамами-топографами — Тамарой Васильевной Токмань и Валентиной Владиславовной Ефремовой, сыном последней — Димой и здоровенным черным псом — Кубкой — первой дамы. Он отдыхал только в избушке, таково было непременное желание и условие хозяйки. В зиму мы вошли в маленькую рубленую избушку с чугунной печкой заводского изготовления, сборно-разборная! В этой избушке и прожили первую в своей жизни сибирскую зиму 1963—1964 годов. Наша старшая дочь, родившаяся в п. Кежма и доставленная из роддома вместе с матерью в жестокий декабрьский мороз на АН-2 до Пуни и тут же, после получасового «перекура» в теплом доме Коопов, на МИ-4, до Центрального (кстати, жена в Кежме появилась за полмесяца до родов и впервые за время беременности показалась врачам. Можно представить, что они сказали ей по этому поводу Слава Богу, обошлось все благополучно. Жила она там в семье коренного кежмаря—доброго дяди Васи Привалихина).

Начальником нашего Центрального участка в ту пору был бывший комбриг Красной Армии времен гражданской— Костюк Митрофан Георгиевич, получивший в 1938 году с другими комбригами свою «десятку», отсидевший и после этого так и оставшийся навечно в нашем крае. Воистину это был неугомонный и неунывающий человек.

Вот так и началась моя работа и жизнь в Ангарской геологоразведочной. Потом были годы геологической съемки и поисков бокситов на Енисейском кряже и Сибирской платформе, включая участие в экспериментальных поисках с применением бомбардировочной авиации на трапповых останцах Куромбинском и Широких Полканах: пятилетняя бокситовая одиссея в заполярной Эвенкии в районе о. Ессей, реки Котуй и плато Путораны; геологические доизучение и поиски полиметаллов в Западной полиметаллической зоне Енисейского кряжа (бассейны рек Татарки, Сухого и Большого Пита), учеба в заочной аспирантуре и защита диссертации во Всесоюзном институте минерального сырья (г. Москва); десятимесячные спецкурсы по изучению французского языка в Ленинградском университете и последовавшая после этого двухлетняя работа на Африканском континенте на разведке бокситов месторождения бовали Тагирате в Гвинейской Народной Революционной Республике (г. Конакри). Кстати, находясь на полевых работах на Севере Гвинеи, я грубо нарушил принятые международные нормы — пересек расположенную поблизости границу Гвинеи—Бисау и встретился с работавшими там нашими ангарцами — Б. В. Шибистовым и С. В. Мазуром. К счастью, с их помощью «международный конфликт» удалось предотвратить, и я благополучно возвратился в «свою» Гвинею.

Во все эти годы работа то сводила нас вместе, то на какое-то время разъединяла с геологами А. Е. Березиным, В. Н. Протопоповым, А. Е. Хлебниковым, Р. Ш. Гайнутдиновым, Л. А. Софиной, О. В. Зоновой, А. А. Малышевым, В. Е. Бабушкиным, В. А. Ефремовым, С. С. и Т. Н. Алексиян, В. и Г. В. Горобец, М. И. Ширинским, Т. П. Лазаренко, Г. М. Камаловым, В. А. Решетовым, А. Т. и З. Бычковыми, И. П. Ашаровым, Б. Е. Вяткиным, В. Ф. Целыковским, патриархом сибирских бокситчиков — А. П. Шевцовым, Н. И. Кириченко, Е. Ф. Слепуховым, И. И. Соседовым, с буровиками А. Г. Чабановым, К. А. Морозовым, Н. М. Малаховым, А. В. Добровольским, В. А. Кудаковским, Б. В. Ватиным, А. Ф. Галяном. Было рядом и много других геологов, горняков, буровиков, рабочих, перечислить имена всех просто невозможно. Но во всей моей геологической жизни с небольшими перерывами рядом со мной постоянно были Павел Павлович Макаруха, Леопольд Альбертович Линявский и Юрий Алексеевич Концедалов.

(Окончание в следующем номере).

К 50-летию Ангарской геологоразведочной экспедиции

Ю. А. ЗАБИРОВ

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

В МОТЫГИНО многие помнят, как содержательно и весело отдыхали геологи. Наша художественная самодеятельность была известна не только в районе, но и за его пределами. Большая заслуга здесь Б. А. Блезе, М. Н. и А. И. Вызу, Н. Н. Шумаевой, В. С. Станкевича и, конечно же, В. П. Фридберга. Коллектив геологов был, прямо скажем, непростой, много было ярких личностей, общий высокий уровень культуры. Тем не менее, Владимир Петрович сумел найти подходы, поставить себя, и уважением как художественный руководитель пользовался неподдельным. Меня сгубила фраза, произнесенная на какой-то нашей общей вечеринке о том, что в институте я был ведущим концертов студенческой самодеятельности. Естественно, после этого уйти от М. Н. Вызу и В. П. Фридберга было просто невозможно. Программы и сценарии готовили сами. Творческая бригада, как правило, состояла из 10—15 человек. Обязательными ее участниками были Ю. И. Феклин, А. И. Вызу, В. А. Лисин, Б. А. Скороделов, В. Станкевич, В. Н. Протопопов, Р. Я. Скляров, Ю. А. Чернов, С. В. Мазур, Е. В. Шибистов. Сценарий концерта к 20-летию Ангарской экспедиции, которое праздновалось наиболее ярко, широко и полно в районном клубе, практически полностью подготовил Р. Я. Скляров. Он очень волновался, чтобы я как ведущий сумел передать внутренний юмор его композиций. Нашей общей гордостью был знаменитый академический хор Ангарской геологоразведочной экспедиции, основоположником которого являлся В. П. Фридберг. На каких только сценах и смотрах он не звучал!

НЕЛЬЗЯ не вспомнить атмосферу творческой активности, царившую в те годы в экспедиции. Создавалось впечатление, что учились все.

Заочного высшего образования достигли десятки специалистов нашей экспедиции. Предпочтение отдавали томским вузам — университету и политехническому институту. Постоянно кто-то готовился к докладам и выступлениям на различных научных семинарах и совещаниях. Регулярно проводились и свои научно-практические конференции. Готовились и выступали на них представители всех направлений работы экспедиции. Постоянно проводилась техническая учеба. Все, кто побывал на каком-то совещании, курсах повышения квалификации обязаны были сделать сообщение на техучебе. Возвратившиеся из загранкомандировок, как правило, делали серию сообщений с демонстрацией слайдов (до фильмов мы тогда еще не дошли).

Связь с наукой была постоянной и прочной. Наши специалисты работали в тесном контакте с учеными ВСЕГЕИ (Всесоюзный геологический институт, г. Ленинград), ВИМСа (Всесоюзный геологический институт минерального сырья, г. Москва), ЦНИГРИ (Центральный геологоразведочный институт, г. Москва), ВАМИ (Всесоюзный алюминиево - магниевый институт, г. Ленинград), СНИИГИМС (Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья, г. Новосибирск, г. Красноярск), СО АН СССР (Сибирское отделение АН СССР, Академгородок, г. Новосибирск), Красноярского института цветных металлов и других научных учреждений. Деловые и творческие контакты с учеными нередко переходили в дружеские отношения. Например, я, вынужденно не работая в геологии вот уже седьмой год, до настоящего времени поддерживаю переписку и при возможности встречаюсь с Ф. Г. Пасовой (ВИМС), С. В. Сараевым (СО РАН), Т. Я. Корневым и Р. С. Родиным (СНИИГГС), Р. А. и Ж. А. Цыкиными (Красноярская академия цветных металлов), В. Д. Конкиным (ЦНИГРИ), А. М. Крысенко (Московский геологоразведочный институт), М. Е. Королевым (Казанский университет). Своего научного руководителя, доктора геолого-минералогических наук Б. А. Тюрина я буду помнить вечно.

Общение с учеными обогащало нас, расширяло профессиональный кругозор, заставляло глубоко анализировать полученные в поле материалы, применяя новейшие методы исследований. Многие специальные тонкие лабораторные анализы выполнялись в лабораториях научных институтов. Особенно строго следили за нашим профессиональным ростом и чтобы, не дай Бог, не произошло застоя геологической мысли Андрей Вадимович Лесгафт и Юрий Анатольевич Озерский. Именно благодаря им поступили, учились в заочных аспирантурах и защитили кандидатские диссертации И. Л. Комов, Р. Я. Скляров, В. А. Забродин, Н. Г. Шубенин (папа Коля, так звали его наши гидрогеологи), Б. В. Шибистов, В. Н. Протопопов (отец Ангарской геохимии, так называли его в экспедиции), Б. Е. Березий, Б. Д. Львов. Последними в этом почетном списке значатся В. С. Власов и К. Н. Шумаев.

В ВОСПОМИНАНИЯХ Ю. А. Озерского, посвященных 50-летию Ангарской экспедиции «Время над памятью не властно» («Ангарский рабочий» от 27.02.97 г.) в заключение он написал, что к «периоду ликвидации (1991—1996 гг.), связанному с неразумной политикой Правительства России, крупный творческий, высококвалифицированный коллектив геологов накопил громадный опыт...». Действительно, как это ни горько, но это факт, что за эти годы та Ангарская геологоразведочная экспедиция, какой знали ее мы, исчезла. Безусловно, что этому способствовали и те негативные процессы, которые испытало и, к сожалению, продолжает испытывать наше государство после распада Союза, но нельзя отрицать и того, что подходы к детальной разведке месторождений полезных ископаемых после выхода на мировой рынок изменились. Вопрос о детальной разведке месторождений в современном мире рассматривается в комплексе с одновременным строительством рудника обогатительной фабрики, подъездных путей и наличии конкретного потребителя. Только после решения всех этих вопросов, заключения необходимых договоров, сбора стартового капитала создается компания и начинается детальная разведка месторождения. При таком подходе, как правило, через 3—5 лет компания начинает получать прибыль. Исходя из этого, и учитывая ситуацию в стране к 90-м годам, перспектива для ангарских геологов получить наказ на детальную разведку какого-либо месторождения в наших необжитых районах была практически исключена.

Кроме того, следует иметь в виду и следующее. Первоначально Ангарская геологоразведочная экспедиция была создана с конкретной целевой задачей: найти и дать оценку месторождений магнезитов, бокситов и марганцевых руд. Эта задача была выполнена под руководством Ю. М. Шейнманна в 1944—45 гг. Затем последовала разведка выявленных месторождений — Татарского и Тальского. И тут же на повестке дня оказались месторождения Нижне-Ангарского железорудного бассейна. Не успели завершиться эти работы, как появился новый крупный заказ — создание государственной геологической карты масштаба 1:200000 и разведка месторождений бокситов Чадобецкого района. Как видим, темпы и объемы нарастали. Наши стратеги А. В. Лесгафт и Ю. А. Озерский обосновали необходимость создания крупномасштабной (1:50000) геологической основы для выявленных горнорудных районов, проведения поисково-разведочных работ на полиметаллы в Западной полиметаллической зоне и поисков месторождений бокситов гвинейского типа на траппових плато Сибирской платформы. Стратеги ушли, а все генерированные ими работы к 1985 году были практически завершены. Наступила пауза.

В 1987 году руководство экспедиции обратилось к коллективу с просьбой высказать свои соображения и планы относительно дальнейшей работы экспедиции. Недостатка в предложениях не было, но концепции перспективного развития экспедиции не появилось. Хотя она, на мой взгляд, была, и некоторые геологи (Ю. И. Феклин и другие) ее предлагали. Эта концепция заключалась в том, чтобы на базе Ангарской геологоразведочной экспедиции создать горно-геологическое объединение, включающее все вновь создаваемые горнорудные предприятия. На тот момент это были Ситальк, Стальмаг и Ниобий. Экспедиция для этого в то время располагала всем: высококвалифицированными кадрами геологов, горняков, буровиков, разветвленным грамотным аппаратом управления, действенной подсобно-вспомогательной службой, хорошей производственной и материально-технической базой. Сейчас трудно ответить на вопросы почему и как, но события развернулись по другому плану. Шанс был упущен.

В РЕЗУЛЬТАТЕ работы геологов Ангарской геологоразведочной экспедиции сороковых—восьмидесятых годов в Нижнем Приангарье были выявлены и разведаны богатейшие месторождения россыпного и рудного золота, железа, алюминия, свинца, цинка, редких металлов, фосфатов, талька, огнеупорного сырья, каменного угля и других полезных ископаемых. Подготовлена качественная геологическая основа для уверенной успешной работы будущих поколений геологов.

В своих воспоминаниях я затронул только те работы, в которых лично участвовал, и назвал имена людей, с которыми сводила меня профессиональная деятельность. Это только частица, эпизод в истории Ангарской геологоразведочной экспедиции. Здесь не задеты целые ее пласты: эпоха геологической съемки масштаба 1:200000, геологической съемки и геологического доизучения масштаба 1:50000, гидрогеологические, геохимические, геофизические, топографические геоморфологические, тематические работы, разведка месторождений полиметаллов, сурьмы, железа, редких металлов, нерудного сырья, лабораторные исследования, работа подсобно-вспомогательных цехов, особенно водителей автогаража, и конечно, одно из важнейших направлений в работе наших геологов — поиски и разведка россыпного и рудного золота. Так сказать, золотые страницы истории Ангарской геологоразведочной экспедиции находятся в тайниках памяти В. П. Куликова, В. Н. Лазаренко, Ю. И. Феклина и других наших геологов-золотарей.

«Федеральная Программа освоения Нижнего Приангарья в Красноярском крае», утвержденная Правительством России, предусматривает начало планомерных работ по промышленному освоению месторождений, открытых ангарскими геологами. Хочется верить и надеяться, что мне и моим коллегам посчастливится увидеть практические результаты нашего труда и реальную пользу людям от природных богатств, которыми так щедро одарила Природа наш район.

Пользуясь случаем, поздравляю всех коллег: и тех, кто по разным обстоятельствам в настоящее время не работает по специальности, и тех, кто продолжает трудиться в геологических производственных и научно-исследовательских организациях с юбилеем экспедиции, с приближающимся нашим профессиональным праздником — Днем геолога. Крепкого вам здоровья и, как говорят геологи, легких троп и больших открытий!

(Окончание. Начало в № 31).